

Каждый человек взрослеет, и Се Сицзэ не исключение. Если этот процесс не приносит радости, Сун Ле готов всем пожертвовать, чтобы смягчить его. Он когда-то даже думал, что его мальчику не нужно учиться взрослеть, но в итоге ребенок, которого он хотел защитить и вырастить, все-таки вырос. И тот, кто первым заставил Се Сицзэ почувствовать боль, был он сам.

Они подошли к цветочному полю, и перед ними открылся широкий простор. Горы и поля были тихими, небо — ярко-голубым, а в воздухе разливался не самый приятный запах рапса. Се Сицзэ пнул камень под ногой, и его подавленное настроение под влиянием природы постепенно смягчалось. Он выдохнул, и на душе стало немного легче.

— Тебе лучше?

Се Сицзэ кивнул, нашел камень и сел на него, не удосужившись даже вытеретьь.

На камне осталась влага, и брюки мгновенно намокли. Сун Ле хотел помочь ему встать и вытереть камень, но Се Сицзэ раздраженно посмотрел на него.

— Да ладно, мы в глуши, о каких приличиях может идти речь?

Сун Ле растеряно вздохнул, в его глазах читалась полная беспомощность.

— Сидеть будет неудобно.

Се Сицзэ нарочно подвинулся несколько раз, и брюки промокли окончательно, впитав воду, скопившуюся в трещинах камня.

Сун Ле молча покачал головой, решив больше не вмешиваться, и сел рядом, плечом к плечу с худым Се Сицзэ. Он хотел обнять его, но Се Сицзэ оттолкнул его руку.

Раньше, если они сидели рядом, Се Сицзэ давно уже запрыгнул бы к нему на коленки, как шаловливая обезьянка. Иногда Сун Ле работал в кабинете, а Се Сицзэ, дремавший в спальне, хватал подушку, входил без стука и, невзирая на занятость, нагло занимал место на руках, прижимаясь к нему, и прогнать его было невозможно.

Сун Ле хотел спросить: «Сяо Цзэ, ты все еще любишь меня?». Но он закрыл глаза и не смог выдать ни слова.

Сяо Цзэ уже догадался о его возрождении, но намеренно скрывал это, не желая разрушать их отношения. А почему он не хотел, Сун Ле горько усмехнулся про себя: ведь это был плод его собственных ошибок. И лишь тогда, когда того давно не стало, он осознал свои истинные чувства.

Некоторые вещи действительно начинаешь ценить только тогда, когда теряешь.

Се Сицзэ смотрел на плывущие в небе облака и вдруг, словно невзначай, произнес:

— Сун Ле, иногда я тебя действительно ненавижу.

Чаще же он испытывал противоречивые чувства из-за этой ненависти или других сложных эмоций.

Переродившись, он мог бы попытаться жить самостоятельно, без этого мужчины, но тот не отпускал его. Сун Ле своими действиями доказывал, что без него Се Сицзэ просто не сможет

жить, его жизнь превратится в полный хаос.

Связи прошлой жизни были слишком крепки, чтобы в этой можно было просто так их оборвать.

Се Сицзэ устал от себя самого. Он размахнулся и со всей силы ударил Сун Ле по плечу.

— Виноват ты, во всем виноват ты!

Сун Ле оставался безучастным, и это разозлило Се Сицзэ еще сильнее. Он схватил камень с земли и продолжил избивать плечо, не жалея сил. Тело Сун Ле казалось твердым, как сталь, и только когда Се Сицзэ выдохся, тот обнял его и медленно притянул к себе.

Се Сицзэ укусил его, но Сун Ле даже не пискнул, лишь спокойно произнес:

— Прости.

— Прости? Да от этого проку!

Это действительно было бесполезно, поэтому он вернулся за ним.

Сун Ле смотрел на цветочное поле и тихо усмехнулся. Слова были лишними, лучше просто крепко держать его рядом и доказывать свои чувства на деле.

— Сяо Цзэ, поверь мне.

Се Сицзэ оттолкнул его.

— Тогда отпусти меня сейчас.

Сун Ле спокойно согласился и лишь через несколько секунд отпустил его.

Се Сицзэ не отрываясь смотрел на него, думая, что этот старый мерзавец даже не понимает, насколько сейчас выглядит извращенцем.

Он отошел назад на небольшое расстояние. Над цветочным полем был пологий спуск. Се Сицзэ пошел по тропинке вниз, на которой еще остались следы дождя. Земля была скользкой, нога ушла в грязь, и он порезал лодыжку о острый камень.

— Сяо Цзэ!

Сун Ле бросился к нему.

Се Сицзэ с трудом выдохнул, пытаясь выдернуть ногу, но в пораненной конечности началась судорога, дернуло, равновесие потеряно, и он полетел вперед.

Он инстинктивно ухватился за подбегающего Сун Ле, но смог зацепиться только за его рубашку. В итоге Сун Ле бросился ему навстречу, и они, обнявшись, покатались по склону вниз, в самое поле цветов. Когда они остановились внизу, Се Сицзэ еще не оправился от головокружения: он тяжело дышал, лежа на Сун Ле, сердце колотилось как бешеное.

Когда он немного пришел в себя и попытался встать, Сун Ле крепко удерживал его, не давая шевелиться.

— Сяо Цзэ, дай мне еще немного отдохнуть.

Сун Ле только что спас его, а всего пару минут назад Се Сицзэ избивал его.

Отказаться было трудно, и он остался лежать на Сун Ле, но вдруг лицо его залилось краской, он с недоверием посмотрел на мужчину.

— В такой ситуации ты способен...?!

Склон был длинным, растительность густой, поэтому катиться было не так больно, но их тела прижимались так тесно, что никакой реакции не избежать.

Се Сицзэ обвинил его:

— Ты старый развратник.

Взгляд Сун Ле дрогнул.

— Я просто очень сильно по тебе скучал.

Чувства переполнили его, он не мог себя контролировать.

Се Сицзэ огляделся по сторонам: кругом глушь, ни души. Он неловко поднялся и отвернулся.

— Я схожу в другое место, а ты... сам разбирайся со своей проблемой.

Но Сун Ле схватил его за руку.

— Сяо Цзэ, тебе ведь тоже хочется?

По его виду было видно, что он не шутит, и взгляд Се Сицзэ изменился. В его памяти Сун Ле был зрелым и сдержанным, где же тот мужчина, который теперь с таким спокойствием спрашивал, хочет ли он этого, есть ли у него такие потребности?

Он даже подумал, что нынешний Сун Ле оскверняет образ прежнего, ведь тот казался слишком сильным и никогда не терял самообладания, не позволял другим видеть себя потерявшим контроль, даже в утренние часы, когда реакция организма наиболее естественна — Се Сицзэ ни разу не заставал его в каком-либо неловком положении.

Он указал на склон сверху.

— Мы просто скатились сверху.

Сун Ле был еще более прямолинеен.

— А мы долго лежали в объятиях.

Воспользовавшись тем, что Се Сицзэ расслабился, Сун Ле снова притянул его сверху к себе, и его горячая, прямолинейная реакция оставила Се Сицзэ негде укрыться — было жарко и стыдно.

Се Сицзэ скрежетал зубами.

— Ты с ума сошел!

Вдруг его голос сорвался на писк, потому что Сун Ле бесстыдно управлялся с его

чувствительной точкой, то замедляясь, то ускоряясь. В юном возрасте, когда кровь кипит, трудно выдержать даже легкое возбуждение. Се Сицзэ прикусил Сун Ле, слова вылетали через стиснутые зубы:

— Отпусти...

Он согнулся пополам, словно вареная креветка, а перед губами были желтые лепестки. Он прикусил их и плюнул в Сун Ле.

— Тьфу.

Сун Ле поймал лепестки ртом, взгляд его стал диким, он разжевал их и, наклонившись, решительно передал пережеванное в рот Се Сицзэ.

Се Сицзэ сжал губы, не давая мужчине добиться своего, обеими руками тянул свои руки, пытаясь вырваться, тяжело дыша и ругаясь:

— Старый мерзавец.

Сун Ле усилил хватку, глубоко вздохнул, тело его дрогнуло, взгляд скользнул вниз, на лепестки под ними, которые покрылись влажным блеском.

Через полминуты Се Сицзэ, немного придя в себя, начал слабо бить Сун Ле ногами, брюки его были растегнуты, он был на грани слез, уши горели красным:

— Ты снова меня принуждаешь, старый мерзавец! Ты снова меня принуждаешь, всегда так!

Сун Ле смотрел на него неподвижно, ловя его удары ногами, и сказал:

— Я люблю тебя, Сяо Цзэ.

Мужчина выпрямился и сел рядом с Се Сицзэ. Даже если тот не хотел, Сун Ле не двигался, глубоко глядя в его глаза.

Глубокий взгляд Сун Ле был полон печали, где было то лицо, с которым он только что принуждал его? Никто не говорил, волнения больше не было.

Небо было синим, солнце теплым, лепестки колыхались, ветер пролетал через горы — все казалось огромным, очень тихим и очень шумным одновременно. Они ничего не делали, просто смотрели друг на друга.

В глазах Сун Ле сверкнул свет, Се Сицзэ наклонил голову и, приглядевшись, убедился: на дне глаз той мужчины проступили легкие следы влаги, это были слезы.

Он был ошеломлен.

Сун Ле никогда не плакал при нем. За все годы, что он был рядом с этим человеком, тот казался не умеющим плакать, словно высокая гора, возвышающаяся перед Се Сицзэ. Горы не рушатся, поэтому Сун Ле не плачет.